

СОВРЕМЕННЫЕ КОРРЕКЦИИ К ПОНИМАНИЮ ТЕОРИЙ ДИАЛОГА И ИХ ПРИМЕНЕНИЮ В ЖИЗНЕННОМ МИРЕ (ОПЫТ СОЦИОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ)*

Часть I

Н.В. МОТРОШИЛОВА

Аннотация

Статья посвящена проблемам содержания и истории «классических» теорий диалога – в свете социального познания. Рассматриваются следующие проблемы: социальные условия и структуры, которые помогали теориям диалога возникнуть, выживать и развиваться в советское время (несмотря на все препятствия и формы запрета и слежки) – такие, как существование и диалог малых неформальных групп, их научной коммуникации в результате неизбежной научной специализации.

Ключевые слова: теории диалога; социология познания; малые неформальные группы; разделение труда в науке; специализация; фальсификации и имитации диалога.

Мотрошилова Неля Васильевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора истории западной философии Института философии РАН.

motroshilova@yandex.ru

Цитирование: МОТРОШИЛОВА Н.В. Современные коррекции к пониманию теорий диалога и их применению в жизненном мире (опыт социологии познания). Часть I // Философские науки. 2017. № 2. С. 34–49.

1. Рамки и акценты данного исследования

Предваряя последующее рассмотрение, сделаю ряд проблемно-содержательных предведомлений.

У автора этих строк нет претензий на фронтальное описание, оценку или переоценку специализированных концепций диалога, тем более на их продолжение (разумеется, для проведения предпринимаемого здесь исследования и этот материал – в его исторической динамике – требовалось основательно изучить). Широкий исторический контекст, отечественный и интернациональный, который влиял на их возникновение, изменение, а также влияет сегодня на их трансформацию, войдет в орбиту рассмотрения лишь соответственно тематике нашей работы.

Нас будут особо интересовать вопросы, например, такого характера: предпринимали ли создатели теорий диалога попытки внутренней (для этих концепций) критической оценки и переоценки идей, концепций, собственных или своих коллег, а если предпринимали, то в чем конкретно они состояли. А это, конечно, предполагало внимание к некоторым исто-

* Исследование осуществляется в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Проблема диалога в философии, культуре и политике: вызовы XXI века», грант № 14-034-00068а.

Статья является продолжением работы «Современные штампы и предрассудки в суждениях о философии и гуманитарной культуре советского периода», опубликованной в журнале «Философские науки» (2015. № 4. С. 64–80).

рическим аспектам рождения, развития и трансформации отечественных теорий диалога.

Сделаю разъяснение, касающееся термина «жизненный мир» и его использования именно в данном исследовании. Его ввел в употребление выдающийся философ конца XIX и XX вв., основатель феноменологии Эдмунд Гуссерль. Теперь этот термин обрел широкое хождение. Гуссерль имел в виду именно широкий «мир жизни», существующий до науки и вне ее, воспринимающий – и всегда переиначивающий – научные понятия и целостности. На конкретном материале будет показано, как «жизненный мир» советского времени (в общем и в дифференцированном понимании) повлиял на рождение, формы существования и трансформации отечественных теорий диалога. Поскольку среди метатеорий отечественных теорий диалога исследования подобного ракурса до сих пор чрезвычайно редки, пришлось ограничиться лишь отдельными аспектами анализа.

В специальном случае идей и мнений о диалоге будем иметь в виду, во-первых, то, что в «пространстве» публичных обсуждений, рассуждений, споров (в наше время также в сфере электронных коммуникаций), которые сами по себе часто не являются научно-теоретическими в строгом смысле слова, трансформируются (как сказано, при переиначивании) отдельные теоретические идеи либо бывают «изобретены» свои объяснения, кон-струкции. (Мы попытаемся впоследствии показать это на примере некоторых современных, и очень частых, употреблений слова «диалог» – в форме «забалтывания» его сути.)

Во-вторых, нам важно подойти к рассмотрению вопроса о том, как реально осуществляется и осуществляется ли вообще диалог в тех многочисленных жизненных, исторически обусловленных реальных обстоятельствах, когда фактически решаются вопросы, важные, с одной стороны, для жизни отдельных народов, государств, так и, с другой стороны, существенные для взаимодействия наций, народов, государств, международных объединений. Не будут упущены и особые проблемы современности, когда вдруг становятся интернациональными, в высшей степени актуальными темы нарушенного, дискредитированного диалога, а также необходимости возобновления действительного диалога как одного из важнейших способов мирного выживания человечества и человеческой цивилизации.

Задуматься над многими аспектами нашей темы тем более важно, что тема диалога и само слово «диалог» принадлежат к числу наиболее употребительных в современном социально-историческом лексиконе человечества. Оно повседневно и по сути повсеместно вплетается, скажем, в процессы и дискуссии, связанные с реальными усилиями (а чаще – с широкоэшелонными) претензиями отдельных социальных сил или целых государств на то, что они как бы «заведуют» процессами установления и поддержания демократических порядков.

При всех сделанных ограничениях и разъяснениях специальных тематических акцентов данной работы, полностью отвлечься и от смысла,

и от оценок конкретного содержания отечественных теорий диалога, конечно же, не удастся, да это и не было бы продуктивным шагом, причем по ряду оснований.

Общеизвестен и признан мировым сообществом вклад таких корифеев нашей культуры, как М. Бахтин, Ю. Лотман, М. Гаспаров, В. Библер — прежде всего в разработку теорий диалога, в диалог о диалоге, а также в сопредельные с проблематикой диалога конкретные научно-теоретические области. Необходимо добавить, что и мета-исследования этого вклада исходных теорий диалога в отечественную и мировую мысль, также осуществляемые и в отечественных, и в зарубежных гуманитарных науках, включая философию, также принадлежат к разряду наиболее развитых, тонких, блестящих разработок гуманитариев уже в наши десятилетия. И они будут так или иначе задействованы в предлагаемом анализе.

Вместе с тем нельзя не обратить внимания на то, что и в этих — очерченных темами и теориями диалога — хорошо развитых областях специальных исследований есть, с моей точки зрения, проблемно-теоретические изъяны. Главный из них (в свете проблематики данной статьи) — относительная замкнутость, изоэшенность, даже стилистическая и иная эзотеричность теорий диалога. Тут заключены свои парадоксы.

Главная их причина коренится в характере самой «объективной реальности», а именно общества «закрытого типа» советского времени, в котором на пути диалога обществу (например, с властью) и, соответственно, глубоких теорий диалога, с одной стороны, стояли многие и разнообразные препятствия, в особенности институциональные действия репрессивного типа, с другой стороны, эти теории — казалось бы, непостижимым образом, — не просто возникли, но и сделались ярчайшим феноменом науки, культуры «бездиалогового» общества. Таким образом, имел место социально-исторический парадокс: все трудности и репрессии не смогли полностью «отменить» возникновение и развития теорий диалога, как и многих других сходных духовных, культурных констелляций.

Великолепный современный философ старшего поколения Эрик Соловьев, он же и поэт, в шуточном стихотворении писал *о настоящем, высокопрофессиональном социологе* советского времени Борисе Грушине, что тот «занимался серьезно вполне общественным мнением в безгласной стране». Вот и о теоретиках диалога можно было бы, и не в шутку, сказать: они занимались теорией диалога — и тоже «серьезно вполне», достигнув выдающихся результатов, — в обществе, где подлинно свободный, в строгом смысле, социальный диалог в его развитой форме был исключен. И здесь, и там главная причина возникновения и сохранения концепций диалога ясна: даже в таких условиях общественное мнение, общественный диалог (хотя бы на уровне теорий о нем) и тогда жили своей внутренней жизнью... Вместе с тем сделать какие-либо обоснованные, точные с теоретической и методологической точек зрения выводы и рекомендации для поистине безбрежных сфер практической организации и наилучших способов ведения «повседневных диалогов» (а ведь такие диалоги осу-

шествуются, притом с утра до вечера, миллиардами людей Земли) могло быть под силу лишь теоретикам высокого ранга. Но они, как правило (которое, как всякое правило, знает исключения), мало обращались к широкому социальным потребностям и возможностям диалогов людей в повседневной жизни. Более того, своеобразным социальным способом выживания теоретиков и, стало быть, теорий диалога в отечественной истории стала именно специализация (вплоть до «эзотеризации») самого предмета, характера, стиля их исследований.

К этой особой теме мы сначала и обратимся.

2. Специализация концепций диалога в советское время как социально-историческая форма их возможности и «выживания»

Исторически сложилось так, что концепции, (возможные) дискуссии по проблемам диалога в их относительных богатстве и многомерности оформлялись и далее сохранялись главным образом на почве *разнообразных* и *тонко специализированных* областей гуманитарного знания — литературоведения, философии, языкознания и т.п. (и в виде их более конкретных, дробных теоретико-методологических ответвлений). Это вообще своеобразный закон, распространявший свое действие на всю гуманитарную культуру, на гуманитарные научные дисциплины. (Я уже прослеживала его действие на примере философии как отрасли научного знания в своей книге «Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль».) А вот использование ее для самого выживания и сохранения объективности в науке, тем более для участия в мировых процессах исследования и творчества — при существовании всяческих преград, утеснений, контроля над наукой и культурой — становится особым, требующим историческим феноменом, своеобразным для конкретных эпох, стран, периодов. Разработка релевантной проблематики как раз и является *задачей социологии познания* (ею я занимаюсь с ранних лет; традиции зарубежной социологии познания были одной из областей исследования в моей кандидатской диссертации).

В «закрытых» обществах возникают, в частности, всегда конкретные формы если не полного «ухода» от надзорных инстанций (от инквизиции, всегда преследовавшей как раз выдающихся ученых, философов — вспомним случаи Джордано Бруно или Галилея — до ГУЛАГа советского времени или гитлеровских концлагерей), то все-таки обретения некоторых «степеней свободы».

Некоторые специфические возможности для этого предоставляет сама наука, а конкретнее — внутринаучная специализация. К счастью, ее не надо специально вводить или выдумывать: в науке она осуществляется по внутренним и непреложным научным законам. К тому же ученые — и в разные эпохи — научились использовать ее для обретения хотя бы относительной свободы.

Одна из социально-исторических причин своеобразной «миграции» самых сильных, изощренных гуманитарно-теоретических умов в тонко специализированные области в советскую эпоху была вполне понятной.

Ведь в них — как и вообще в доменах специализированного знания — было трудно осуществлять идеологический надзор и контроль. Какой-то «надзор сверху» и там, конечно, существовал. Но его контрпродуктивность (и для науки, и — парадоксально — для самого надзора!) достаточно быстро выявляла практика. Существовали и такие критерии, как бесплодность — доказываемая временем — всех подобных усилий. Главная причина была простой и объективной; она состояла в том, что любая научная дисциплина и в любое время немыслима без специализации, вхождение же в специальные области доступно не всем, а узким специалистам в той или иной области.

Так, внутри философии звеньями и очагами специализации всегда были и, конечно, оставались в советское время логика, теория познания, история философии. Правда, как показали тщательные исследования с помощью методов конкретной социологии философского познания, и в них то и дело разыгрывались настоящие трагедии.

Конкретный пример специализации в рамках концепций диалога — идея карнавала и карнавализации у М. Бахтина.

Воспользуюсь тем, что сумма текстов, а также умонастроения читателей и т.д., связанные с обозначенными идеями М. Бахтина, широко известны, более того, подвергались многочисленным описаниям, толкованиям. Сосредоточусь на тех сторонах анализа, кото-рые были очерчены ранее, заимствуя из литературы по этому вопросу наиболее лапидарные обобщающие формулы и оценки, с которыми трудно не согласиться.

И первое, что принципиально важно — фиксирование существенного отличия того материала, на котором М. Бахтин выполнял свою работу, а именно относящегося к творчеству Ф. Рабле. Для читателей работ французского автора и для понимания направленности исследований самого Бахтина было принципиально, исходно важно — согласно, скажем, формулам Н. Автономовой, никем не оспариваемых, потому что исходно верных — следующее: «Главный организующий момент в структуре книги Бахтина о Рабле — жесткое противопоставление “официальной” и “неофициальной” культуры... Он (карнавал) как бы подвешивает иерархический порядок, нормы и привилегии, противостоит всему, что претендует на вечность и завершенность» [Автономова 2014, 129]. Я выбрала эту обобщающую формулу из многих потому, что она четко выявляет и даже акцентирует нередкое в истории «созвучие» времен, идей, ценностей, ориентаций.

Посмотрим также, как суммирует (на мой взгляд, сжато и четко) содержательные потенциальные возможности, заключенные в самом обращении к диалогу, — и именно на примере Бахтина — Дмитрий Никулин, когда-то российский ученый, а теперь американский профессор (один из многих блестящих умов России, в последние десятилетия безвозмездно подаренных Америке): «Обсуждая структуру диалога, Бахтин подчеркивает невозможность диалогического обмена без или в

отсутствие “реального Другого”, к которому некто должен обращаться и для которого должен обеспечить объяснение, чтобы состоялось какое-либо взаимопонимание. Сама возможность иметь осмысленный разговор коренится в предполагаемом ответе другого и в *инаковости (otherness) другой личности*, которая делает разговор диалогом благодаря обмену возражениями, обмену, *в котором каждый собеседник и независим от другого, и до крайности нуждается в другом*. Всякое возражение вследствие этого независимо от всякого другого возражения, но *крайне нуждается в возражении другого...* Но другой не может быть взят как нечто само собой разумеющееся; сам ответ другого, его слово, которое тоже “двухголосое”.., не приходит легко. Другой не только неизбежно связан с говорящим в диалоге, но также отделен от него и противоположен ему... Есть граница между говорящими субъектами в диалогическом разговоре, которая делает взаимодействие нелегким и вовсе не предопределяет к окончанию в виде единодушного консенсуса. Диалог — это не обмен готовыми или фиксируемыми декларациями, мыслями *rêtes à porter*, он скорее таков, что позволяет застолбить и признать мысли (или чувства) так, как если бы партнеры в первый раз вступали в процесс коммуникации с другими партнерами диалога» [Nikulin 2006, 32 (курсив мой. — Н.М.)].

И это — только одна из линий, на которых просматривается такое *внутреннее и объективно действенное содержание теорий диалога*, самой своей сутью противостоящее формам утеснения, несвободы, пренебрежения интересами Другого и Других.

А все сказанное, с одной стороны, демонстрирует объективную силу и потенциальную мощь сколько-нибудь грамотных расшифровок идей и теорий диалога. Например, такую (в тексте Д. Никулина четко разъясненную) линию: уже заговорив или только задумавшись о теории диалога, сразу приходится интендировать не только какое-то (философское) Я, но и постулировать — а дальше, хотя бы и поневоле, расшифровывать, учитывать Другого и Других. При последовательном разборе темы требуется так или иначе принять постулат о свободе, равноправии Другого (человека, Других людей). Возникает даже, как мы видим, — согласно законам-принципам диалога — нужда «*в возражениях (!) Другого*» (Других). Отсюда — в рамках обсуждаемых здесь как будто сугубо специальных оттенков теорий диалога — высвечиваются неортодоксальные элементы и следствия.

...Хорошо помню, что при господстве официозной идеологии советского времени, на поверхности «чопорной», ригидной культуры, литературы, ревальвация у Бахтина, его намеренно сочувственное описание, толкование раблезианских героев и писательских особенностей текстов Франсуа Рабле было своего рода притягательным духовным феноменом. Все это и читалось как удар по (идеологически одобряемым) канонам как бы «приличной культуры», соразмерной неким на деле лицемерным «нравственным законам приличия». Мы, люди того времени, еще и по-

этому не только изучали тексты Бахтина, но и восторгались ими, пользуясь многочисленными плодами такой «как бы специализации».

А после извлечения уроков и освоения опыта такой специализации и такого «ухода» в давнюю историю как бы сами собой являлись стремления использовать подобный опыт, чтобы повлиять на собственную историю российской культуры и науки советского времени.

Мы начали свой анализ с рассмотрения некоторых внутритеоретических обстоятельств, которые способствовали возникновению и сохранению концепций диалога в обществе закрытого типа.

Далее обратимся к анализу — тоже в ракурсах социологии познания — некоторых именно реальных социальных предпосылок и форм, самых близких к специфическому труду создателей теории диалога и также составивших некоторый массив предпосылок как для возникновения, так и для развития концепций диалога в советское время.

Социально-исторические условия и возможности формирования теорий диалога (вчера и сегодня)

1) Как и почему свободная творческая мысль отечественных теоретиков диалога смогла возникнуть и развиваться в условиях несвободы?

В популярной околонучной литературе и дебатах о концепциях диалога, родившихся на социальной почве советского времени, о судьбе их выдающихся авторов обычно пишут и говорят так, что остается неясным, почему этот заметный духовный, культурный феномен вообще стал возможным. Что и говорить, социально-исторические условия для творческой мысли тогда были сложными, неблагоприятными, подчас трагическими (но все же меняющимися.) Ученые, значительные философы, крупные писатели, создатели высокого искусства тогда часто отеснялись на обочину сфер духа и культуры, пребывали, так сказать, *ad marginem*. Это ясно доказанный тезис. Ибо не счесть трагических примеров не просто арестов, ссылок, но и пыток, «узаконенных» убийств людей, принесших славу культуре советского времени.

Вместе с тем общий тезис требует обстоятельного, конкретного разбора, в том числе в свете социологии познания. Необходимо сделать по крайней мере три существенных уточнения, когда речь идет о творцах теорий диалога, возникших в советское время.

Во-первых, так случилось, что именно их жизненный путь — в сравнении с судьбами многих других творческих людей — хотя и был в целом нелегким, неблагоприятным, но (по крайней мере, в случае корифеев) и не был из ряда вон выходящим, истинно трагическим. Мне импонирует тот взвешенный констатирующий тон, в каком американская исследовательница К. Эмерсон повествует о судьбе М. Бахтина не как о чем-то уникальном для советских условий: «...на фоне судеб одаренных русских мыслителей 1920-х и 1930-х годов биография Бахтина не заключала в себе ничего особенно загадочного и крайне тяжелого. “Домашний” характер обсуждения теоретических проблем в узком кругу друзей; дистанцированность по отношению к “центру”, арест и ссылка; пропавшие рукописи и

многочисленные работы, написанные в “стол”; наконец, *относительно сносное безвестное существование* в провинциальном институте — нет, биография Бахтина была скорее обыкновенной, даже счастливой, и любой славист подтвердит это» [Эмерсон 2010, 264–265 (курсив мой. — Н. М.)]. Если учесть уже посмертную славу (бахтинский бум еще в советское, а потом в постсоветское время) и интернациональное внимание к наследию этого выдающегося отечественного ученого, мыслителя, то его судьбу и судьбу его идей даже оправданно считать завидной в сравнении с настоящими трагедиями, выпавшими в нашей стране на долю других творцов науки и культуры.

Что касается жизненного, научного пути другого выдающегося автора, В.С. Библера, крупного, мирового класса философа, несомненно, притеснявшегося и «находившегося под подозрением» в советское время, то и его жизненный удел, к которому отчасти применимы некоторые характеристики К. Эмерсон, все же не был трагическим. Уже и в советское время, не будучи «официальным (псевдо) философом», он стал достаточно авторитетным мыслителем, вокруг которого выростала блестящая плеяда учеников; последние, в наши дни известные, самостоятельные исследователи, продолжают дело учителя. Одним словом, отечественные корифеи теории диалога, даже прошедшие (как Бахтин) через многие нелегкие жизненные испытания и в свое время отправившие некоторые более ранние рукописи «в стол», с определенного времени становились властителями дум в своей стране, а потом — стремительно — и на мировой духовной арене.

Во-вторых, сравнение — с позиций исторической социологии и научного познания — условий советского времени (жестких для творческого духа, для людей, настроенных на волну свободы) с другими временами не дает никаких оснований для вывода об исторической уникальности этого этапа именно с рассматриваемой точки зрения. Примеры из прошлой истории элементарны, бесчисленны. Они относятся и к казням великих людей духа, культуры, философов разных эпох (Сократ, Дж. Бруно), и к их преследованиям, изгнаниям с родины — в том числе в разных странах в тоталитарные времена. Печи Освенцима — страшный символ таких, увы, интернациональных провалов истории, соседствуют, как самый страшный символ, с преследованиями, изгнаниями из своих стран людей духа, культуры и со всемирно известными, и с более скромными именами. Историкам духа, культуры, науки (а Бахтин и был одним из крупнейших знатоков подобных феноменов) хорошо знакомы, ими исследованы господствующие формы подавления свободной творческой мысли буквально во все века, эпохи ее развития, как известны — и тоже исследованы (Бахтиным на примере Рабле или Достоевского) формы подавления свободы, а также исторические образцы отчаянной борьбы свободных умов и талантов и за общечеловеческие, и за свои собственные права и свободы.

В-третьих, нельзя пройти мимо специфического исторического парадокса: преследования устремлявшихся к свободе умов и талантов, их

вытеснение с официальных, тем более с единственно возможных официальных арен разных эпох, где «творились» квази-псевдо-образцы, в самых существенных отношениях объективно оказались *перемещением в сферу подлинных, трансисторических, транснациональных, трансэпохальных образцов науки, культуры, творчества*. В чем состоит их особенность — и их слава.

Из этого, разумеется, совсем не следует, будто нужно специально устраивать (и предпочитать) для людей духа ограничения и подавления свободы, как бы подталкивающие их к свободной мысли. Но следует, причем не в качестве какой-то тайной, редкой истины, а в качестве хорошо известного, чуть ли не банального факта учитывать и следующее: в истории творческие деяния, мысли, концепции по сути всегда рождались, множились, распространялись *несмотря на все самые неблагоприятные, несвободные социально-исторические условия, а во многом по общим и частным законам развития духа — благодаря отчуждению от форм господства, несвободы и борьбе с ними*. И ведь принципиально иных условий в отнюдь не светлой истории человечества до сих пор как-то не сложилось...

Вот почему применительно к *реальным* феноменам истории духа, культуры, науки считаю неверным, непродуктивным и предположение, будто были или еще будут в истории принципиально другие, «светлые» времена, будто возможно «светлое будущее» для духа, для науки. Необходимы, по моему мнению, конкретные исследования того, как и почему свободная мысль — в данном случае в форме теорий диалога — все же состоялась, почему оказалось возможным развивать ее в условиях, когда свобода творческого духа и сам общественный диалог по многим линиям утеснялись и преследовались.

В своем исследовании, относящемся к общему домену социологии познания, разберу некоторые «*малые*» *социальные структуры, облегчавшие существование творческой мысли*, причем на повседневном уровне. Эти формы объективно способствовали ее продвижению к результатам (что особенно важно для нашей темы), полученным именно *в ходе исследовательской коммуникации и благодаря диалогу исследователей*. Разумеется, эти формы использовались не только теоретиками диалога; и они, еще раз подчеркиваю, в принципе существовали на протяжении веков цивилизованной истории и, в сущности, во всех странах. Добавим, что они развивались и при существовании несколько отличавшихся, но и типологически сходных «институтов» слежки, преследований и — нередко для истории — смертельно опасных репрессий.

2) *Малые сообщества людей духа, культуры как «обитатели» творческого диалога*

Исторические примеры бытования и развития таких сообществ многочисленны и хорошо известны — от круга Сократа — Платона (где собственно и закрепилась великолепная литературно-художественная и философская форма диалога¹), до кружков, объединений итальянских гуманистов, французских салонов эпохи Просвещения, «малых» комму-

никаций времени Канта и, в частности, его повседневного дружеского круга и т.д.²

Хочу предупредить: проблематика, которая далее будет разбираться, в своем типологическом значении относится не только к теориям диалога и ее создателям, но ко всем, по сути дела, заметным творческим результатам науки и культуры советского времени, которые отличались от официальных, тем более официозных, по сути своей идеологических продуктов. В нашем предыдущем исследовании мы касались этой проблематики, говоря об антиномичном размежевании философии, достойной этого имени, и «советской псевдофилософии» [Мотрошилова 2015]. Здесь анализ будет продолжен и конкретизирован применительно именно к концепциям диалога, к коммуникативным аспектам жизнедеятельности творцов теорий диалога и их соратников.

Ценны воспоминания, свидетельства современников, которые запечатлели некоторые приметы времени, структуры, оттенки непосредственного опыта, имевшие огромное значение для реальной жизни, работы достаточно заметного круга тогдашней творческой гуманитарной интеллигенции, причем трудившейся в разных концах нашей большой страны. Так, филолог-латинист Ю.М. Каган (дочь друга М.М. Бахтина филолога М.И. Кагана), в свою очередь ссылаясь на бесценные свидетельства В.Н. Волошинова, Л.В. Пумпянского и др., а также на документы невеликого следственного дела, писала о Бахтине и его друзьях-соратниках: «...и в Невеле, и потом в Витебске, в Ленинграде были у них разговоры до утра, серьезные обсуждения серьезных книг по философии, искусству, теологии, рассказы о собственных исследованиях и размышлениях. Были собеседования и собеседники» [Каган 2010, 35]. М. Бахтин, получивший прозвище «Философ-молчун», вряд ли был «молчуном» во времена таких «собеседований». Ведь он жил и действовал, причем наиболее адекватно, в контексте этих исключительно важных малых форм диалога, объединявшего людей различных, но типологически сходных интеллектуальных занятий, специализированных и сопрягавшихся в сложное, яркое интеллектуальное единство. Здесь надо акцентировать фундаментальный факт: пусть широкий общественный диалог в нашей стране был невозможен, *но внутренний, специальный диалог членов небольшого сообщества (тоже поднадзорного) стал необходимой и отныне постоянной предпосылкой дальнейшего развития теорий диалога.* И пусть господствовавшие идеологические слои пытались, сколь это было возможно, контролировать, а потом и пресекать саму эту «катакомбную», как ее иногда называют, коммуникацию людей духа. Тем не менее на каждом новом этапе форма эта, будучи непосредственно доступной людям духа, культуры, в том числе в том или ином крупном или небольшом топосе – географическом, институциональном, житейском пространстве (город, учреждение... кухня), – возрождалась вновь и вновь. Не буду дальше вдаваться в детали этой проблемы, которая, считая, если и достаточно известна, исследована в конкретности, то недооценена в ее трансисторическом и транснациональном значении.

3) *Свободная личность в несвободном обществе*

И эта *структурная* социально-историческая форма — не единичная, а плюральная, тем самым межличностная — полагаю, имеет центральное значение при ответе на многие вопросы об истоках, устойчивых структурах, возможностях (несмотря на все препоны, преследования) для творческой и неустанной преемственной работы индивидов во все эпохи и во всем мире. Защита свободы духа, самой свободы в широком пространстве социальной жизнедеятельности с древнейших времен была и остается объективной предпосылкой для возникновения всех теоретических рефлексий о свободе личности, свободе творчества, в какой бы форме они ни воплощались. (Разумеется, духовной культуре и всем ее структурам с древности до современности здесь принадлежит решающая роль.)

Тема личности, поскольку она борется за свою свободу, вообще универсальна в том смысле, что относится ко всем без исключения свобододлюбивым индивидам и ко всем историческим временам. Разумеется, и различие между масштабами, формами, результатами *подавления прав и свобод личности* жизненно важны. И людям приходится бороться, реалистически говоря, за то, чтобы все эти условия не были тоталитарными. Правда, еще недавно казалось, что преодоление крайних форм тоталитаризма уже означает завоевание незыблемых, якобы, прав и свобод. Последние десятилетия, увы, развенчивают такие иллюзии...

Но при всем этом тема творческой личности, устремленной к свободе, жившей в особом (тоталитарном) обществе советского времени, содержит свою специфику, к которой здесь и обращено наше исследование.

Частная — личностная проблема, которую мы далее будем рассматривать, определена нижеследующим заголовком. Как и почему постоянно проявляется ее действие?

3. Личностный ракурс применительно к диалогу

Представляется интересным поразмыслить над тем, какие личностные черты виднейших теоретиков диалога и в чем именно споспешествовали разработке именно ими как раз теорий диалога. А какие, быть может, всему этому препятствовали. Примером станет здесь личность М.М. Бахтина (как ее черты вырисовываются из многочисленных исследований и воспоминаний).

О масштабе личности М.М. Бахтина — в тесной связи с теперь уже ясным трансисторическим значением бахтинского творчества — писали, говорили многие авторы, как знавшие лично этого выдающегося человека, так и вычитывавшие его личностный образ из бахтинских книг или воспоминаний друзей, собеседников. Очень удачным подытожением этого, высоко ценимого личностного ракурса бахтинского дела-действия (*Tat-Handlung*, по терминологии Фихте) мне представляется статья С.С. Аверинцева «Личность и талант ученого», впервые опубликованная в «Литературном обозрении» очень давно, как раз в советские годы, когда о распаде Союза не было и речи (1976. № 10. С. 58–61). «Не для одних счастливых, знавших его лично, но для читателя, знающего его только

по книгам, наряду с “концепциями” и положениями, а может быть, и превыше их, *важен преподанный Бахтиным урок независимости, широты, неподдельного духовного благородства* [Аверинцев 2010, 93 (курсив мой. — Н.М.)]³.

Существенны, парадигмально, как я думаю, заостренные и по праву актуализированные С. Аверинцевым такие конкретные черты М. Бахтина как личности, ученого, как собеседника в многочисленных диалогах общего и специального характера:

- «...твердое *самостояние и самоуважение ума*, который знает, что одно дело — учиться у своего времени, и совсем иное — шепкой кружиться по водоворотам на поверхности своего времени» [Аверинцев 2010, 94].

- «Суть позиции Бахтина всегда состояла не в “против”, но в “за”: не в оспаривании, не в отвержении, но в защите целого перед лицом неправых притязаний частного» [Аверинцев 2010, 95];

- Открытость и великодушие по отношению к чужой мысли «вроде бы и взаимно несовместимых направлений» [Аверинцев 2010, 95] (для темы диалога сказанное имеет первостепенное значение).

Бахтин, несомненно, был (разумеется, не он один) свободной личностью, творившей в несвободном обществе, и «малые круги общения», об одном из которых ранее шла речь, формировались, за редкими исключениями, из подобных же человеческих типов. Кстати, что бы ни говорили о прошлом, которое сейчас исследуется, «жутко смелые» (не потому ли, что они совсем не опасны для нынешних правящих кругов), болтливые блогеры, в советские времена в разных областях жизни не просто встречались, но даже получали известность и признание многих людей (будь эта известность «устной», даже подпольно-неофициальной или полуофициальной) — как раз те личности, о которых многие современники оправданно думали и говорили как о «свободных людях».

- При всей личностной склонности творцов теории диалога, включая Бахтина, к детальной специализации (здесь: в сфере гуманитарных знаний лингвистического, литературоведческого и т.д. комплекса) имеет место и постоянный личностный же интерес и Бахтина, и других авторов концепций диалога к целому, опирающемуся на фундаментальные теоретические, шире — философские знания, неизменно выводящие из частных к целому. «Специалист, — пишет С. Аверинцев, — занимается проблемами, которые “по его части”. “По части” же Бахтина “всегда было целое”, т.е. «единство человеческой культуры», понимаемое как *длящийся диалог*, который начался до нас и в который призваны вступить и мы» [Аверинцев 2010, 97].

- С. Аверинцев говорит и о такой черте личности М. Бахтина, как «тенденциозность», но не обычная, а такая, которая «распространяется на философские категории (там же)».

- И вот главное: Бахтин — и как *ученый философского склада*, и как автор концепций диалога — действительно вдохновлялся идеей свободы. (Теоретически оправданным пунктом одновременно личностного и научного сплава был тезис о том, что «гносеологически возможно, но также

и нравственно допустимо знать только то, что раскроет сама личность внутри свободного диалога» [Аверинцев 98 2010, 98]. В этом пункте, замечает С. Аверинцев, «легко почувствовать, до какой степени это русский мыслитель» [Аверинцев 2010, 98].

«Что можно позаимствовать у Бахтина? — задает вопрос Аверинцев. И отвечает — у него можно и должно учиться его свободе. Будем учиться в меру наших сил» [Аверинцев 2010, 101 (курсив везде мой. — Н. М.)].

4. Бахтин как философ

Говоря о М.М. Бахтине как особой личности, выделю такой специфический аспект в его личностной целостности, в его становлении, как философская образованность, более того, осмысление им философии как главного стержня в сложном, многомерном творческом комплексе, какой сложился на избранном им духовном, а одновременно и личностном пути.

Кратко напомним о совокупности фактов, которые высвечивают суть проблемы — и не только потому, что это близко к моей профессии и области исследований. Существенно в разбираемой тематике то обстоятельство, что *философичность как обязательный, по мнению Бахтина, профиль мыслительной деятельности гуманитария* влечет за собой дополнительную необходимость не просто обращаться к темам свободы духа, но в своей конкретной деятельности никогда не упускать многообразных следствий, резонансов следования ценностям свободы.

В этом отношении весьма характерны четкие ответы М. Бахтина на прямые вопросы отечественного филолога, профессора МГУ В. Дувакина (1973). Например, на вопрос: «Вы были больше философ, чем филолог?» М. Бахтин ответил: «*Философ. И таким остался по сегодняшний день. Я философ. Я мыслитель*» [Бахтин 2010, 33, 28, 28–29, 30]. В том же интервью М. Бахтин (достаточно обстоятельно для краткого разговора) рассказал о своих рано обнаружившихся историко-философских пристрастиях и занятиях. «Первоначально я именно философией больше увлекался. И литературой... В частности, Канта я знал, его “Критику чистого разума” очень рано начал читать» (работы философов Германии Бахтин, конечно же, читал в немецком оригинале). Затем Бахтин поведал о своих ранних философских увлечениях — о работах «большого ученого» Сёрена Кьеркегора (обнаружив, кстати, знакомство с «очень хорошей книгой» молодой П. Гайденко — значит, он улавливал и лучшее из *новой тогда* отечественной философской литературы), о своем «пристрастии к Марбургской школе», о том, что он «прошел через страстное увлечение Ницше» [Бахтин 2010].

Одновременно Бахтин поистине несравненно зафиксировал, что в советское время его (и других специалистов-гуманитариев) выходы к философским темам (и проблематика свободы являет яркий, показательный пример) предполагали — вместе с выходами в «публичность» — движение по той грани, где бдительность цензоров, не разбиравшихся в специальных исследованиях, опасно повышалась.

О том, с какими утратами, издержками, даже собственноручно вносимыми – и в сочинения, и в саму жизнь – искажениями был связан выход людей духа в тогдашнюю, тоже ограниченную, «публичность» (например, в разрешенных изданиях книг и статей), можно поведать, да уже и поведано, на многих страницах. С.Г. Бочаров, видный филолог, друг М.М. Бахтина, рассказывая о беседах с ним, писал, например, об исповедальных бахтинских признаниях – о том, скажем, что он не мог в своих важнейших работах прямо говорить «о главных вопросах». «О каких, М.М., главных вопросах?», – хотел уточнить С.Г. Бочаров. «О философских, о том, чем мучился Достоевский всю жизнь, – существованием Божиим. Мне ведь там приходилось все время вилять – туда и обратно. Приходилось за руку себя держать» [Бочаров 2010, 50, 51], – ответил М.М. Бахтин. Сказано предельно искренне, понятно, исповедально – и очень точно в социальном смысле. Сколько людей, и сколь многократно, вынуждены были «держать себя за руку», если они хотели что-то особенно важное и общезначимое довести до сознания читающей публики. Что было более оправданно – и в этом важном «держать себя за руку» или вообще в стремлении не допускать никаких уступок (цензура, «духу времени»), но уже ценой полного молчания? Вопрос стоял именно так. Какой ответ верен, не знает никто. Но одно ясно: если бы книга М.М. Бахтина о Достоевском (и другие его работы) не попали в печать в советское время, состояние духа, культуры России и в ту эпоху, и впоследствии было бы существенно иным. Впрочем, сколько было задумано, но не написано, или начато, но не закончено как раз из-за подобных колебаний...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тщательное сопоставление, историческое и типологическое, бахтинской «практики» и теории диалога с различными подобными формами в истории духа, в истории мысли о диалоге см.: [Зарпен 2004]. Что важно, немало утверждений автора этой книги подкрепляется ссылками на работы Бахтина (точнее, на их переводы), ибо он также писал об аналогичных исторических сюжетах.

² Глубокое социально-философское исследование таких многообразных малых форм духовной коммуникации см. в блестящей, новаторской ранней работе Ю. Хабермаса «Структурные изменения общественности» [Habermas 1962].

³ Далее при цитировании статьи страницы в моем тексте приводятся по изданию [Аверинцев 2010].

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев 2010 – *Аверинцев С.* Личность и талант ученого // Михаил Михайлович Бахтин / под ред. В.Л. Махлина. – М.: РОССПЭН, 2010.

Автономова 2014 – *Автономова Н.С.* Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. – М., 2014.

Бахтин 2010 – *Бахтин М.М.* Беседы с В.Д. Дувакиным // Михаил Михайлович Бахтин.

Бочаров 2010 – *Бочаров С.Г.* Об одном разговоре и вокруг него // Михаил Михайлович Бахтин.

Каган 2010 – *Каган Ю.М.* Люди не нашего времени // Михаил Михайлович Бахтин.

Мотрошилова 2015 – *Мотрошилова Н.В.* Современные штампы и предрассудки в суждениях о философии и гуманитарной культуре советского периода // *Философские науки.* 2015. № 4. С. 64–80.

Эмерсон 2010 – *Эмерсон К.* Бахтин, понятий. Право, но влево // Михаил Михайлович Бахтин.

Habermas 1962 – *Habermas J.* Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft (Habilitationsschrift). – Neuwied; Berlin: Luchterhand, 1962.

Nikulin 2006 – *Nikulin D.* On Dialogue. – Lexington books, 2006.

Zappen 2004 – *Zappen J.P.* The Rebirth of Dialogue. Bakhtin, Socrates and the Rhetorical Tradition. – Albany: State University of New York Press, 2004.

CONTEMPORARY CORRECTIONS TO UNDERSTANDING OF THEORIES OF DIALOGUES AND THEIR IMPLEMENTATION IN “LIFE WORLD” (EXPERIENCE OF SOCIOLOGY OF KNOWLEDGE)

Part I

N.V. MOTROSHILOVA

Summary

This article is devoted to the problems of the content and history of the “classical” theories of dialogue – from the point of view of the sociology of knowledge. The problems under consideration are as follows: the social conditions and structures that helped to the theories of dialogues to emerge, survive and develop (despite of all the obstacles in the forms of prohibitions and supervisions) – such as the existence and a dialogue of small informal groups of scientific communication which were a result of inevitable scientific specialisation.

Keywords: theories of dialogue; sociology of knowledge; small informal group in science; division of labour in science; scientific specialisation.

Motroshilova, Nelly – D.Sc. in Philosophy, Professor, Main Research Fellow at the Department of the History of Western Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

motroshilova@yandex.ru

Citation: *MOTROSHILOVA N.V.* (2017) Contemporary Corrections to Understanding of Theories of Dialogues and their Implementation in “Life World” (Experience of Sociology of Knowledge). Part I. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 2, pp. 35–49.

REFERENCES

Avtonomova N.S. (2014) *The Open Structure: Yakobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov*. Moscow, ROSSPEN [Russian Political Encyclopedia] (in Russian).

Habermas J. (1962) *Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft* (Habilitationsschrift). Neuwied; Berlin, Luchterhand.

Makhlin V.L. (dir.) (2010) Mikhail Mikhailovich Bakhtin. Moscow, ROSSPEN [Russian Political Encyclopedia] (in Russian).

Motroshilova N.V. (2015) ‘Modern Stamps and Prejudice in Judgements about the Philosophy and Human Culture of the Soviet Period’. In: *Philosophical Sciences*. 2015. Vol. 4, pp. 64–80 (in Russian).

Nikulin D. (2006) *On Dialogue*. Lexington books.

Zappen J.P. (2004) *The Rebirth of Dialogue. Bakhtin, Socrates and the Rhetorical Tradition*. Albany, State University of New York Press.